

— ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ —

УДК 398.224(=35)

З. Д. Джануа

**АРХАИЧЕСКИЙ ЭПОС ГОРСКИХ НАРОДОВ КАВКАЗА «НАРТЫ»:
КОНСТАНТЫ ДЛИТЕЛЬНОСТИ ЭПИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ**

В первой (вводной) части статьи дана общая характеристика нартского эпоса горских народов Кавказа: о значимости монументального памятника в духовной культуре народов, обладающих данной эпической традицией; о специфике (схождении и не схождении) национальных версий эпоса; о персонажах и посвященных им сказаниях. Вторая (основная) часть статьи посвящена выявлению констант длительности эпических действий в кавказской Нартиаде. В поэтической структуре героико-исторической устной традиции весьма значимы описания времени и пространства, так называемые «хроноакты» (В. М. Гацак). Замечательно, что в нартском эпосе народов Кавказа сходно описываются семантически разные эпические действия. Выделяется ряд мотивов, константно описываемых в разных национальных версиях эпоса: пребывание богатыря в пути, «сокращение» эпического пути, богатырская схватка, нартский пир, эпический сон, вмержание адауы-великана в водоем. По этим мотивам сопоставляются описания из абхазской, абазинской, адыгской и осетинской версий нартского эпоса, также из текстов волшебных сказок и героико-исторических песен и сказаний. Примеры из разных версий нартского эпоса показывают лексико-семантическую близость описаний длительности эпических действий, также они свидетельствуют о неразрывности времени и пространства (хронотопе) в эпическом повествовании. По своей структуре константы длительности действий нартского эпоса характеризуются сочетанием разных временных измерений, разных топосов длительности – от многих лет до одной минуты.

Ключевые слова: нартский эпос, Кавказ, горские народы, Сасрыкуа, топосы длительности, хронотоп, хроноакт, эпический путь, богатырская схватка, нартский пир, эпический сон, великан.

Z. D. Dzhapua

**Archaic epos of mountain peoples of the Caucasus «The Narts»:
constants duration of epic acts**

The general characterization of the Caucasians Narts is given in the first part of the article including the data about significance of monument in spiritual culture of Caucasians having these epic tradition and specifics (similarities and differences) of the epos national versions. Also the first part of the article gives information about characters and legends devoted to them. The second part is dedicated to the constants identification detecting epic acts in the Caucasians Narts. The description of time and space so called “chronoact” (V. M. Gatsak) is relevant in the poetic structure of a heroic historical oral tradition. It is notable that semantically different epic

ДЖАНУА Зураб Джотович – д. филол. н., проф., академик АН Абхазии, президент АН Абхазии, директор Центра нартосведения и полевой фольклористики при Абхазском государственном университете, главный научный сотрудник Отдела фольклора Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулия АН Абхазии.

E-mail: zjap@rambler.ru

DZHAPUA Zurab Djotovich – Doctor of Philological Sciences, Professor, member of the Academy of Sciences of Abkhazia, President of the Academy of Sciences of Abkhazia, Director of The Center of Nart and field folkloristics affiliated to Abkhazian Institute of Humanities Research named after D.I. Gulia of the Academy of Sciences of Abkhazia.

E-mail: ziap@rambler.ru

acts are described similarly in the Caucasians Narts epos. A number of motifs described in the different national versions of epos such as being of a bogatyr on the road, "cutting" of an epic road, bogatyr fight, The Narts feast, epic dream, freezing of adaua-giant in the water. Based upon these motifs the descriptions of Abkhazian, Abazin, Adygei and Osetin versions of the Narts, fairytales and heroic historical songs and legends texts were also compared. Examples from various versions of the Narts show lexical semantic similarity of the epic acts' duration description. They also highlight the continuity of time and space (in chronotop) in epic narration. By its structure constants of the Narts epic's acts duration are characterized by composition of different temporal dimensions and duration topos (from many years to 1 minute).

Keywords: the Narts epos, Caucis, Caucasian peoples, Sasrykua, duration topos, chronotop, chronoact, epic road, bogatyr fight, the Narts feast, epic dream, giant.

Введение

Нартский эпос – выдающийся памятник фольклорного наследия кавказского мира, в котором содержатся основные особенности мифоэпических воззрений его создателей и носителей. Данный эпос стоит в одном ряду с такими древнейшими шедеврами мировой культуры, как «Махабхарата», эпос о Гильгамеше, Олонхо, «Песнь о Нибелунгах», «Илиада», «Беовульф», «Калевала». Типологически он относится к героико-архаическому эпосу, который складывается на почве мифологии и социальных отношений первобытного общества, и фабула которого связана с изначальным, мифоэпическим временем.

Благодаря записям и изысканиям Д. Клапрота, П. К. Услара, А. М. Шегрена, В. Ф. Миллера, С. Урусбиева, А. Иоакимова, Н. М. Альбова, Ч. Ахриева, Д. К. Далгата, Г. Н. Потанина, Н. Дубровина, В. Б. Пфаффа, Ш. Б. Ногмова, С. Хан-Гирея, Л. Я. Люлье, А. Кайтмазова, К. Атажукина, В. Цорасва, Д. Шанаева, Г. Шонаева, Л. Г. Лопатинского, М. Г. Джанашвили, А. Н. Дьячкова-Тарасова, В. Чернявского, кавказский нартский эпос стал известным науке еще с XIX в. На протяжении XX-XXI вв. исследователи издали большое количество текстов разных версий, посвятили изучению нартского эпоса сотни статей и десятки монографических исследований. Сегодня с уверенностью можно сказать, что изучение нартского эпоса достигло весьма существенных результатов и породило собственное исследовательское направление под названием нартоведение.

Нартский эпос бытует у целого ряда горцев Кавказа: в особенности – абхазов, абазин, убыхов, адыгов, осетин, карачаевцев и балкарцев, чеченцев и ингушей, несколько фрагментарно – у кумыков и аварцев в Дагестане, у сванов, рачинцев и хевсуров в Грузии.

Описания времени в нартских сказаниях характеризуют ряд эпических мотивов, в разных случаях представленных близкими или во многом сходными конструкциями. Таковую единую функцию описаний длительности разных эпических действий В. М. Гацак отражает в понятии «хроноакт» (т. е. «времядействие»), в том смысле, что «время здесь выступает не просто мерой длительности, протяженности, а своеобразным «множителем» силы, необычности, эпичности самого действия» [1, с. 16].

Нартские сказания, дошедшие до нас в живом бытовании, занимают ведущее место в жанровом составе абхазского, адыгского, осетинского и карачаево-балкарского фольклора. И все национальные версии нартского эпоса обнаруживают сходство и несходство в иерархии персонажей, сюжетно-тематическом диапазоне и поэтико-стилевой системе. Этот вопрос до сих пор остается чрезвычайно актуальным, хотя за время столетней историографии нартского эпоса достигнуто немало результатов представителями нескольких поколений исследователей кавказской эпической традиции.

По общему признанию ряда ученых-нартоведов, абхазский нартский эпос (наряду с адыгским) «обнаруживает большую архаичность» [2, с. 204]. В центре эпического мира – его героиня: мать нартов Сатаней-Гуаша, сто братьев-нартов и их единственная сестра Гунда-красавица. У каждого свое имя, своя «биография», свой круг подвигов. Поэтому нартский эпос строится из отдельных сказаний, посвященных тому или другому герою. Но в то же время в абхазском нартском эпосе выделяются главные и, вероятно, наиболее древние персонажи – Сатаней-Гуаша и Сасрыкуа, цикл сказаний о которых предстает в целостном, завершенном виде и объединяет самые архаические, изначальные мифоэпические сюжетные темы.

Сасрыкуа – центральный персонаж, главное действующее лицо в абхазском нартском эпосе (так же, как в адыгском), представляющий собой «весьма архаический тип эпического героя, генетически восходящий к культурному герою» [2, с. 183]. Песни и сказания о Сасрыкуа охватывают почти всю тематику абхазского нартского эпоса.

Цикл основных песен и сказаний о Сасрыкуа складывается из ряда сюжетов, которые представлены в эпосе довольно широко и реализуются в нескольких вариантах или версиях. Однако среди них – по степени исконности, «эпичности», устойчивости и полноты художественных образов – выделяются три тесно взаимосвязанных сюжетно-тематических единицы: *чудесное рождение из камня, добывание огня и гибель героя от камня*. Данная триада сюжетов является остовом всей тематики цикла сказаний о Сасрыкуа и выглядит наиболее полной, художественно насыщенной именно в абхазской и адыгской версиях нартского эпоса.

Среди других персонажей, имеющих свои тематические круги сюжетов, более значительны и популярны: Цвицв (с его образом связаны сюжеты о *рождении героя и овладении крепостью*), Гунда-красавица, Нарчхьоу, Хуажарпыс (*умыкание красавицы*), Уахсит, Щаруан (*героическое сватовство, месть за предков*).

Главными противниками нартских богатырей являются чудовища: адауы (великан), агулщап (дракон) и др. В борьбе с ними нартсы совершают различные «культурные подвиги»: *добывание огня, фруктовых деревьев, изобретение свирели, создание и первое исполнение песни* и т. д. В ходе этой борьбы возникают свойства и внешние приметы различных животных и растений.

Пребывание богатыря в пути

В нартском эпосе отлучка братьев-нартгов необыкновенно продлевается во времени:

Нартсаа ашыщэа хьызрацарантэи иаанза раб Нартит акыр ихыццит, иылақагаы цейт. ‘Пока братья-нартсы находились в походе, отец их Нартит успел состариться и ослепнуть’ [3, № 398].

Большая длительность пребывания в пути измеряется и пространственными зонами эпического (нартского) ландшафта, в пределах которых перемещается богатырь:

Зака шьха ирфьысыз, зака зы ирыз здырхуада. ‘Кто же знает, сколько гор они преодолели, через сколько рек они переправились’ [4, с. 149].

Ср. в абазинской версии эпоса, где эти пространственные зоны «конкретизируются» количественно:

Сосрыкьва <...> ацхьа хьнгьважагы днархьысд, апи адзду хьнгьважагы днарырсд, ари атенгыз дуква ахпагы днарырсд. ‘Сосруко <...> преодолел шестьдесят гор, переправился через шестьдесят больших рек. Через эти три огромные моря переправился’ [5, с. 77, 214].

Данные примеры свидетельствуют о неразрывности времени и пространства в эпическом повествовании. Чтобы передать эту неразрывность М. М. Бахтин ввел в литературоведение термин *хронотоп* [6, с. 234-236]. Как отмечает В. М. Гацак, «формулы длительности пути определенно обладают свойством хронотопа («времяпространство») в том его толковании, какое разработано М. М. Бахтиным и может стать одним из опорных при изучении художественной системы эпоса» [1, с. 15]¹.

В числе пространственных зон для перемещений (гора, река, море) в абхазском эпосе представлена и деревня:

Қыттак иалст, өө-қыттак ирылст. <...> Фьба-хьа қытқа дрыллигеит. Пушьба ирылсны хэба рфьы ианнеи, иқьылеит. ‘Проехали через одну деревню, проехали две деревни. <...> Он провел его через две-три деревни. Когда доехали до пятой деревни, преодолев четвертую, вступили в бой [с великанами]’ [7, с. 60].

Часто время эпического пути обозначается многими годами:

Шьқась дныкэет, фышқаса дныкэет, хьышқаса дныкэет. ‘Год ездил, два года ездил, пять лет ездил’ [8, с. 199].

Структурную особенность данного описания составляет возрастающая градация больших временных отрезков. В связи с этим следует отметить, что градация как поэтико-стилевой

¹ Подробнее об этом см.: [10; 1, с. 9-24; 11; 12, с. 184-278].

прием в нартских сказаниях выделяется не столь ярко, как, например, в карело-финских рунах [9, с. 245-260]. Тем не менее, наличие числовой градации в отдельных поэтических конструкциях способствует усилению их выразительности. В этом отношении показательно описание укрощения коня Сасыркуа, построенное с использованием временной градации:

Аеы афышыкъэса рзы <...> ф-шафак ыгаит. <...> Адырфашыкъэсан <...> х-шафак рыда ы-заамгаит. <...> Аъшышыкъэса рзы <...> данааха, шахъгылаз ызымыртысыит. 'На второй год <...> сдвинул коня на шесть шагов. <...> На следующий год <...> более чем на три шага не смог сдвинуть. <...> А на четвертый год <...>, когда потянул [коня], и с места не сдвинул' [3, № 224].

В адыгской версии эпоса длительность нартских походов характеризуется в прямой речи персонажей следующей метафорической формулой:

Илъэсиблым зэ шъуемыжь, / Шъуежьэу шъузышэсрэм. 'Когда же садитесь на коней, / Семь лет не спешиваетесь' [13, с. 70, 219].

В эпосе также наблюдается измерение эпического пути месяцами:

Нартта цалон хызрацара хэа фымз-хымз-ныкэа ахъыбжьаз. 'Нарты ездили в походы [в места, лежащие] в двух-трех месяцах ходу [от дома]' [3, № 522].

Ср. в адыгской версии нартского эпоса:

Сэ мазэкэ сымыжейуэ хъунукъым. 'Ехали они месяц' [13, с. 161, 315].

Нередко эпический путь представляется многодневным:

Фыми-ныкэа дцахъан еиуши, абыжьбатэи ами аены ибеит. 'Проехав шестидневный путь, на седьмой день он заметил' [3, № 283]. Сходно: [3, № 284].

В абазинской версии эпоса к дням прибавляются и ночи: *Житцахъа-житцыми йымгвайсд.* 'Четырнадцать ночей и четырнадцать дней ехали они' [5, с. 150, 292].

В форме лексического повтора *день* и *ночь* могут усилить продолжительность преодолеваемого пути:

Уахыи-еныи дныкэуа, уахыи-еныи дныкэуа. 'Ночами и днями мчась, ночами и днями мчась' [8, с. 197].

Иной раз длительность пребывания в пути не может быть измерена эпическими днями. Эту неизмеримость сказители передают следующей формулой:

Уи зака мшы дцауаз Анцаа идырыр акэын. 'Сколько дней он ехал, мог знать только Бог' [7, с. 61].

В сходной форме описывается в эпосе полет орла, переносящего героя в далекую землю, где воспитывается (растет) его сын:

Шака иуыруаз здырхуада. 'Кто же знает, сколько он летел' [3, № 310].

Эта формула выглядит еще более неопределенно: она не указывает, какими временными отрезками измеряется полет орла (днями, месяцами или годами).

Ср. в осетинской версии эпоса неизмеримость топоса эпических дней:

'Проехал много дней и много ночей' [14, с. 33].

«Сокращение» эпического пути

Описание длительности пребывания эпического героя в пути контаминируется с описанием преодоления долгого пути за короткий срок. Это «особый стилиевой прием ускорения» или ситуативного сокращения «обычной» протяженности пути» [1, с. 22]. Его художественно-функциональное назначение – противопоставление разных героев: путь, который один богатырь преодолевает очень долго, другой преодолевает очень быстро:

Нартта мзыкы амва ыкъэхон, аха Сасыркэа хаха-хыми рыла днеит. 'Нарты преодолевали этот путь за месяц, но Сасыркуа доехал за три ночи и три дня' [3, № 522].

Ср. в адыгской версии эпоса:

Шэбатныкъо ежьэжьы а мафэм нэсыжьыгъ. Нарт Орэмэджи ежьэжьы тхъамафэрэ тетыгъ. 'Шабатнуко выехал и в тот же день приехал домой. Выехал и Нарт Орэмэдж – он одолел тот же путь за неделю' [13, с. 89, 239]. Сходно: [13, с. 241].

Ср. в абхазской волшебной сказке:

Атахмада хэчы енак ала дагъеит, дагъааит. Шъасоу Аапыста хаха-хыми амва дыкъхеит. 'Старичок и поехал, и вернулся за день. Щасоу Аапыста три ночи и три дня преодолевал этот путь' [15, с. 28]. Сходно: [16, с. 37].

Ср. также в героико-историческом эпосе абхазов, где герой за короткий срок преодолевает долгий путь:

Жааха-жэьми-ныкэара бжэамзи, / Шьыбжэаанза-ныкэара иалимыришеи. 'Путь продолжительностью девять ночей и девять дней ходу / Он преодолел за полдень' [17, с. 33]. Сходно: [17, с. 45; 18, с. 111, 140, 167; 19, с. 90; 20, с. 197].

Первая и вторая части данного вида описаний также варьируются. При противопоставлении разных временных отрезков в абхазском нартском эпосе выстраиваются следующие антитезы: *год / три ночи и три дня* [3, № 330]; *полтора месяца / одна ночь и один день* [3, с. 200]; *месяц / три ночи и три дня* [3, № 522]; *девять ночей и девять дней / одна ночь и один день* [3, № 184]; *семь ночей и семь дней / до второй половины дня* [3, № 885]; *семь ночей и семь дней / одна ночь и один день* [3, № 586]; *семь дней / один день* [21, с. 13]; *шесть ночей и шесть дней / один день* [3, № 136]; *шесть ночей и шесть дней / две ночи и два дня* [3, № 136]; *три ночи и три дня / до полудня* [3, № 855]; *три ночи и три дня / один день* [3, № 128]; *две ночи и два дня / до полудня* [3, № 550; 4, с. 124].

В ряде случаев первая часть описания (длительность пребывания в пути) редуцируется; отчетливо передается лишь «сокращение» эпического пути:

Аминутк дрыхъзеит. 'Он их догнал в минуту' [7, с. 63]. Сходно: [3, № 265].

Специфично и то, что во всех случаях употребления (в контексте нартских сказаний и других жанров) выделенный тип описания сохраняет свою поэтическую конструкцию – устойчивость и формульность.

Богатырская схватка

Богатырские бои в нартском эпосе длятся долго:

Акыршыкэса еибашьуан нартааи адауцэеи. 'Много лет бились нарты с великанами' [3, № 547].

Или же:

Шыкэсык аиҭа иаҭын аибашьра. 'Больше года они бились' [3, № 361].

В абазинской версии эпоса единоборство Батраза и великана продолжается с утра до вечера:

Шьымта кьвышлыкьв йалагаз хьвлатныдза йайсыд. 'Начали они сражаться утром в период кушлука и продолжали до вечера' [5, с. 149, 290].

Ср. в адыгской версии нартского эпоса поединок Ашамеза и иньжа:

Сагьындакьыцэккэ зэзонхэурагьажьы мэфицэ зэзэуагьэх. 'Стали сражаться, и сражались три дня' [13, с. 147, 300]. Сходно: [13, с. 229, 265, 299].

Ср. также в абхазской волшебной сказке:

Шэьшыкэса драбашьуан. Аиҭэшыкэса антҭамтэзы иртаслымт. 'Сто лет бился с ними. И через сто лет их победил' [15, с. 51]. Сходно: [15, с. 38, 43, 49, 112; 22, с. 113, 179; 16, с. 77, 81].

Протяженность разных героических столкновений (бой нартов с великанами (адауы), единоборство, состязательный поединок) в нартском эпосе измеряется следующими хроноактами: *много лет* [3, № 547]; *больше года* [3, № 361]; *девять ночей и девять дней; семь ночей и семь дней; неделя; пять ночей и пять дней, три ночи и три дня; три ночи и три дня... на четвертый день; три ночи и три дня; две ночи и два дня; с раннего утра до вечера; с утра до полудня* [7, с. 64].

Нартский пир

Разными временными отрезками (девять ночей и дней, семь ночей и дней, три ночи и дня) обозначается длительность пира в абхазском нартском эпосе:

Жааха-жэьми чаран. 'Девять ночей и девять дней длился пир' [4, с. 77]. Сходно: [3, № 285, 357, 550, 883, 885].

Ср. в абазинской версии эпоса:

Дьаглайхьыз, щта, нартгела гьыргьад чаражвра рчтид, жажьа-жамми кьвырман, йзыриуа, йглахьвид, теуа рчтид. 'Вернулся он, нарты обрадовались, устраивают пир, десять ночей и десять дней закалывают жертвенных животных, танцуют, устраивают игры' [5, с. 149, 290-291]. Сходно: [5, с. 287].

В осетинской версии нартская трапеза может длиться целый год:

'В течение года делали славные пиры и славные поминки' [14, с. 28]. Сходно: [14, с. 16; 20, с. 23].

Ср. в абхазской волшебной сказке:

Мчыбжьы-накьяк чаран. 'Целую неделю длился пир' [16, с. 81].

Сказка очень часто пользуется такими словесными конструкциями. Но следует обратить внимание на функциональное различие сказочного и эпического пиров. В нартском эпосе (так же, как и в русских былинах) «пир существенно отличается от финального пира-свадьбы в волшебной сказке, чаще венчающего именно достигнутое (а не возвращенное) благополучие» [24, с. 21].

Эпический сон

Сасрыкуа засыпает, сказав старухе:

Хьми саабмыртышын. 'Не буди три дня' [7, с. 65].

Ср. в абазинской версии эпоса сон великанов:

Айныжквва йычвыркльын бжьахъа-бжьыми йчван. 'Айныжи, заснув, спят семь дней и семь ночей' [5, с. 148, 289].

В адыгской версии богатырь говорит:

Сэ мазэклэ сымыжейуэ хьунукъым. 'Я должен спать месяц' [13, с. 161, 315].

Описание эпического сна чаще всего составляется из двух частей. Иногда в подобном описании сопоставляется сон великанов (адауы) с нартским сном:

Адауца жэаха-жэьми иыцэон, анартаа хаха-хьми иыцэон. 'Великаны спали девять ночей и девять дней, а нарты спали три ночи и три дня' [7, с. 65].

Вмерзание адауы-великана в водоем

Сасрыкуа заманивает великана (адауы) – хранителя огня в глубокий водоем:

Жэаха-жэьми иыцэон. 'Прошло девять ночей и девять дней' [3, № 117]. Сходно: [3, № 118, 131, 136, 147-151, 205, 265; 4, с. 182-183].

Ср. в адыгской версии эпоса:

Жэцибл-махуиблэ зхигэцтхьац. 'Семь дней и семь ночей иньж вмерзал в воду' [13, с. 57, 205]. Сходно: [13, с. 200, 205].

Заключение

Итак, длительность действий в нартском эпосе предстает, с одной стороны, в больших временных измерениях, с другой стороны, это сочетается с топосами сравнительно малой длительности. Такая картина соотносима с другими эпическими традициями. В частности, в памятниках героико-архаического эпоса народов Сибири, «особенно в позднейших записях, помимо многолетних периодов, легко встретить месяцы, недели, дни и даже часы» [1, с. 19].

Высокая частотность хроноактов в абхазском нартском эпосе обусловлена самой природой их воплощения в эпическом повествовании в разных контекстах. Они связываются с образами ряда персонажей и наличествуют в ряде эпических сюжетов как необходимые компоненты эпического текста.

Литература

1. Гацак В. М. Устная эпическая традиция во времени: Историческое исследование поэтики. – Москва: Наука, 1989. – 256 с.
2. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. Второе изд., испр. / отв. ред. В. М. Жирмунский. – Москва: Вост. лит., 2004. – 462 с.
3. Нарты: Абхазский героический эпос в шести томах / под ред. З. Д. Джапуа (рукопись на абх. яз.).
4. Нарт Сасрыкуа и его девяносто девять братьев: Абхазский народный эпос / сост. Ш. Д. Инал-ипа, К. С. Шакрыла, Б. В. Шинкубы; предисл. Ш. Д. Инал-ипа; редактор Б. В. Шинкуба. – Сухуми: Изд-во «Алашара», 1962. – 288 с. (на абх. яз.).
5. Нарты: Абазинский народный эпос / сост., пер. и коммент. В. Н. Меремкулова. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отд. Ставроп. кн. изд-ва, 1975. – 233 с.
6. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. – Москва: Художественная литература, 1975. – 504 с.
7. Джапуа З. Д. Нартский эпос абхазов: Сюжетно-тематическая и поэтико-стилевая система. – Сухум, 1995. – 184 с.

8. Турецкие записи абхазского фольклора / под ред. З. Д. Джапуа. Вып. I: Нарты. – Сухум: НААР, 2014. – 304 с. (на абх. яз.).
9. Евсеев В. Я. Исторические основы корело-финского эпоса: в 2-х кн. Кн. II. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1960. – 348 с.
10. Гацак В.М. К изучению исторической поэтики славянского эпоса: поэтические топосы длительности // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1988. – Т. 47. – № 4. – С. 307-318.
11. Кудияров А.В. Поэтико-воззренческие аспекты эпоса монголоязычных народов // Фольклор: Проблемы историзма / отв. ред. В.М. Гацак. – Москва, 1988. – С. 127-170.
12. Кудияров А.В. Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири / отв. ред. В.М. Гацак. – Москва, 2002.
13. Нарты: Адыгский героический эпос / сост. А. И. Алиевой, А. М. Гадагатля, З. П. Кардангушева; пер. А. И. Алиевой. – Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1974. – 415 с.
14. Абаев В. И. Из осетинского эпоса: 10 нартовских сказаний, текст, перевод, комментарии / отв. ред. И. И. Мещанинов. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1939. – 134 с.
15. Абхазские сказки. Т. 1. / сост. К. С. Шакрыла, Х. С. Бгажбы. – Сухуми, 1965. – 246 с. (на абх. яз.).
16. Абхазские сказки / зап., сост. С. Л. Зухбы. – Тбилиси: Мецниереба, 1976. – 223 с.
17. Абхазская народная поэзия. 2-е изд. / сост. Д. И. Гулия и Х. С. Бгажбы. – Сухуми, 1972. – 159 с. (на абх. яз.).
18. Абхазская народная поэзия / сост. Б. В. Шинкубы. – Сухуми: Изд-во Академии наук Грузинской ССР, 1959. – 330 с. (на абх. яз.).
19. Абхазские народные историко-героические сказания / зап., подгот. текста, предисл. и примеч. С. Л. Зухбы. – Сухуми, 1978. – 192 с. (на абх. яз.).
20. Хашба А. К. Избранные работы / сост. Х. С. Бгажбы. – Сухуми, 1972. – 231 с. (тексты на абх. яз.).
21. Материалы абхазского фольклора (Из архива акад. Н. Я. Марра) / подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. С. Л. Зухбы. – Сухуми, 1967. – 201 с. (на абх. яз.).
22. Абхазские сказки. Т. 2 / сост. К. С. Шакрыла. – Сухуми, 1968. – 338 с. (на абх. яз.).
23. Миллер В. Ф. Осетинские эпюды. Часть первая (Осетинские тексты). – Москва: Типография Ф. Б. Миллера, 1881. – 170 с.
24. Неклюдов С. Ю. Время и пространство в былинке // Славянский фольклор. – Москва: Наука, 1972. – С. 18-45.

References

1. Gacac V. M. Ustnaja jepicheskaia tradicija vo vremeni: Istoricheskoe issledovanie pojetiki. – M.: Nauka, 1989. – 256 s.
2. Meletinskij E. M. Proishozhdenie geroicheskogo jeposa: Rannie formy i arhaicheskie pamjatniki. Vtoroe izd., ispr. / отв. red. V. M. Zhirmunskij. – M.: Vost. lit., 2004. – 462 s.
3. Narty: Abhazskij geroicheskij jepos v shesti tomah / pod redakcij Z. D. Dzhapua (rukopis' na abh. jaz.).
4. Nart Sasrykua i ego devjanosto devjat' brat'ev: Abhazskij narodnyj jepos / sost. Sh. D. Inal-ipa, K. S. Shakryla, B. V. Shinkuby; predisl. Sh. D. Inal-ipa; redaktor B. V. Shinkuba. – Suhumi: Izd-vo "Alashara", 1962. – 288 s. (na abh. jaz.).
5. Narty: Abazinskij narodnyj jepos / sost., per. i komment. V. N. Meremkulova. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otd. Stavr. kn. izd-va, 1975. – 233 s.
6. Bahtin M. M. Voprosy literatury i jestetiki: Issledovanija raznyh let. – M.: Hudozhestvennaja literatura, 1975. – 504 s.
7. Dzhapua Z. D. Nartskij jepos abhazov: Sjuzhetno-tematicheskaja i pojetiko-stilevaja sistema. – Suhumi, 1995. – 184 s.
8. Tureckie zapisi abhazskogo fol'klora / pod red. Z. D. Dzhapua. Vyp. I: Narty. – Suhumi: NAAR, 2014. – 304 s. (na abh. jaz.).
9. Evseev V. Ja. Istoricheskie osnovy korelo-finskogo jeposa. V 2-h kn. Kn. II. – M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1960. – 348 s.
10. Gacac V.M. K izucheniju istoricheskoi pojetiki slavjanskogo jeposa: pojeticheskie toposy dlitel'nosti // Izvestija AN SSSR. Serija literatury i jazyka. – 1988. – T. 47. – № 4. – S. 307-318.

11. Kudijarov A. V. Pojetiko-vozzrencheskie aspekty jeposa mongolozjazychnyh narodov // Fol'klor: Problemy istorizma / Otv. red. V. M. Gacak. – M., 1988. – S. 127-170.
12. Kudijarov A. V. Hudozhestvenno-stilevyje tradicii jeposa mongolozjazychnyh i tjurkojazychnyh narodov Sibiri / otv. red. V. M. Gacak. – M., 2002.
13. Narty: Adygskij geroicheskiy jepos / Sost. A. I. Alievoj, A. M. Gadagatlja, Z. P. Kardangusheva; per. A. I. Alievoj. – M.: Nauka. Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 1974. – 415 s.
14. Abaev V. I. Iz osetinskogo jeposa: 10 nartovskih skazanij, tekst, perevod, kommentarii / otv. red. I. I. Meshhaninov. – M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1939. – 134 s.
15. Abhazskie skazki. T. 1. / sost. K. S. Shakryla, H. S. Bgashby. – Suhumi, 1965. – 246 s. (na abh. jaz.).
16. Abhazskie skazki / zap., sost. S. L. Zuhby. – Tbilisi: Mecniereba, 1976. – 223 s.
17. Abhazskaja narodnaja poezija. 2-e izd. / sost. D. I. Gulia i H. S. Bgashby. – Suhumi, 1972. – 159 s. (na abh. jaz.).
18. Abhazskaja narodnaja poezija / sost. B. V. Shinkuby. – Suhumi: Izd-vo Akademii nauk Gruzinskoj SSR, 1959. – 330 s. (na abh. jaz.).
19. Abhazskie narodnye istoriko-geroicheskie skazanija / zap., podgot. teksta, predisl. i primech. S. L. Zuhby. – Suhumi, 1978. – 192 s. (na abh. jaz.).
20. Hashba A. K. Izbrannye raboty / sost. H. S. Bgashby. – Suhumi, 1972. – 231 s. (teksty na abh. jaz.).
21. Materialy abhazskogo fol'klora (Iz arhiva akad. N. Ja. Marra) / podgot. tekstov, vstup. st. i primech. S. L. Zuhby. – Suhumi, 1967. – 201 s. (na abh. jaz.).
22. Abhazskie skazki. T. 2 / sost. K. S. Shakryla. – Suhumi, 1968. – 338 s. (na abh. jaz.).
23. Miller V. F. Osetinskie jetjudy. Chast' pervaja (Osetinskie teksty). – M.: Tipografija F. B. Millera, 1881. – 170 s.
24. Nekljudov S. Ju. Vremja i prostranstvo v byline // Slavjanskij fol'klor. – M.: Nauka, 1972. – S. 18-45.

